

Нравственные вершины

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ

Память — одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого...

Лист бумаги. Сожмите его и расправьте. На нем останутся складки, и если вы сожмете его вторично — часть складок лягут по прежним складкам: бумага обладает памятью.

Памятью обладают отдельные растения, камень, на котором остаются следы его происхождения и движения в ледниковый период, стекло, вода и т. д.

На памяти древесины основана точнейшая специальная археологическая дисциплина, производящая переворот в археологических исследованиях — дендрохронология.

Сложнейшими формами родовой памяти обладают птицы, позволяющие новым поколениям птиц совершать перелеты в нужном направлении, к нужному месту. В объяснении этих перелетов недостаточно изучить только «навигационные приемы и способы», которыми пользуются птицы. Важнее всего память, заставляющая их искать зимовья и летовья — всегда одни и те же.

Что и говорить о «генетической памяти»!

Память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий. Запоминается то, что нужно, путем памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются трудовые навыки, бытовые навыки, семейные навыки, общественные институты...

Память противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно.

Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память — преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти. «Беспамятный» — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и неспособный на добрые, бескорыстные поступки.

Безответственность рождается отсутствием сознания того, что ничто не проходит бесследно. Человек, совершающий недобрый поступок, думает, что поступок этот не сохранится в памяти его, личной, и в памяти окружающих.

Совесть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести.

Вот почему так важно воспитывать молодежь в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной. Семей-

ные фотографии — это одно из важнейших «наглядных пособий» морального воспитания детей, да и взрослых. Уважение к могилам предков. Уважение к труду наших предков, к их трудовым традициям, к их орудиям труда, к их обычаям, к их песням и развлечениям. Все это дорого нам. И подобно тому, как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его личным предкам и близким — родным и друзьям, старым друзьям, то есть наиболее верным, с которыми его связывают общие воспоминания, — так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ.

Может быть, следует подумать — не строить ли нравственность на чем-либо другом: игнорировать прошлое с его, порой, ошибками и тяжелыми воспоминаниями и быть устремленными целиком в будущее, строить это будущее на «разумных основаниях» самих по себе, забыть о прошлом с его темными и светлыми сторонами. Это не только невозможно, но и не нужно. Память о прошлом всегда «светла» (пушкинское выражение), поэтична. Она воспитывает эстетически.

Человеческая культура в целом не только обладает памятью. Культура человечества — это активная память человечества, активно введенная в современность.

Каждый культурный подъем был связан с обращением к прошлому. Сколько раз человечество, например, обращалось к античности? По крайней мере больших, эпохальных обращений было четыре: при Карле Великом, при

Палеологах в Византии, в эпоху Ренессанса, в конце XVIII—начале XIX века вновь. А сколько было «малых» обращений культуры к античности — в те же средние века, долгое время считавшиеся «темными». Каждое обращение к прошлому было «революционным», то есть оно обогащало современность, и каждое обращение по-своему понимало это прошлое, брало из прошлого нужное ей для движения вперед. Это — об обращении к античности, а что давало для каждого народа обращение к его собственному национальному прошлому? Если оно не было продиктовано национализмом, узким стремлением отгородиться от других народов и их культурного опыта, оно было плодотворным, ибо обогащало, разнообразило, расширяло культуру народа, его эстетическую восприимчивость. Ведь каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым.

Хотелось бы мне продемонстрировать эстетическую и нравственную память на примере поэзии А. С. Пушкина.

У Пушкина роль памяти в поэзии огромна. Поэтическая роль воспоминаний, — я бы сказал «поэтизирующая» их роль, — прослеживается с детских, юношеских стихотворений Пушкина, из которых важнейшее — «Воспоминание в Царском Селе», но и в дальнейшем роль воспоминаний очень велика не только в лирике Пушкина, но даже в поэме «Евгений Онегин». Когда Пушкину необходимо внесение лирического момента, он прибегает часто к воспоминаниям. Как известно, Пушкина не было в Петербурге в наводнение 1824 года, но все же в

«Медном всаднике» наводнение окрашено воспоминанием:

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...

Свои исторические произведения Пушкин также окрашивает долей личной, родовой памяти. Вспомните: в «Борисе Годунове» действует его предок Пушкин, а в «Арапе Петра Великого» — тоже предок — Ганнибал.

Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, «накоплений» культуры, память — одна из основ поэзии, эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг и перед потомками.

КТО БЫЛИ НАШИМИ УЧИТЕЛЯМИ

Нам не следует бояться признания огромной роли Византии в образовании славянской культуры — посредницы и отдельных национальных культур славян. Славянские народы не были провинциальными самоучками, ограниченными своими местными интересами. Через Византию и другие страны они дышали воздухом мировой культуры. Развивали свою общую и местные культуры на гребне общеевропейского развития. Их культуры для своего времени представляли собой в известной части итоги общеевропейского развития. Болгария, опередившая другие славянские страны на целое столетие, сделала вели-

кое дело, присоединив и себя, и литературы других стран к общему европейскому развитию и вместе с тем создав общий литературный язык для всех православных славянских стран, а частично — и для не славянских.

Великим счастьем для славян было то, что сама византийская литература не была узконациональной, а в значительной мере многонациональной: На основе многовекового обще-европейского опыта можно в дальнейшем глубже отразить национальные интересы и создать литературу высоких национальных форм. Общеславянская национальная литература-посредница, сама явившаяся в результате выделения из отдельных национальных литератур некоей «общей» части, была хорошей почвой для образования в дальнейшем высоких национальных литератур.

Мы очень часто находимся во власти исторических предрассудков. Одним из таких предрассудков является убежденность в том, что древняя, допетровская Русь была страной со сплошной малой грамотностью.

Тысячи и тысячи рукописных книг хранятся в наших библиотеках и архивах, сотни берестяных грамот найдены в Новгороде — грамот, принадлежащих ремесленникам и крестьянам, мужчинам и женщинам, простым людям и людям высокого социального положения. Печатные книги показывают высокий уровень типографского искусства. Рукописи цветут изумительными заставками, концовками, инициалами и миниатюрами. Печатные

шрифты и рукописные буквы поразительны по красоте. Все новые и новые центры книжной культуры обнаруживаются в монастырях Древней Руси среди лесов и болот, на островах (даже вдали от городов и сел). В рукописном наследии Древней Руси мы все больше и больше открываем новых оригинальных произведений и переводных. Уже давно ясно, что болгарское и сербское рукописное наследие шире представлено в русских рукописях, чем у себя на родине. Высокое искусство слова окружено открытиями в области древнерусской музыкальной культуры. Всеобщее признание во всем мире получили древнерусские фрески и иконы, русское прикладное искусство. Древнерусское зодчество оказалось целым огромным миром, изумительно разнообразным, будто принадлежащим разным странам и народам с различной эстетической культурой. Мы получили из рукописей представление о древнерусской медицине, о русской историософии и философии, о поразительном разнообразии литературных жанров, об искусстве иллюстрирования и чтения, о различных системах правописания и пунктуации... А мы все твердим и твердим: «Русь безграмотная, Русь лапотная и безмолвная»!

Почему так, догадываюсь: может быть, потому, что в XIX веке носителями древнерусской культуры оставались по преимуществу крестьяне, историки судили о Древней Руси главным образом по ним, по крестьянам, а их давно уже скрутило крепостное право, все большее обнищание, отсутствие времени на чтение, непосильная работа, нищета.

В любом историческом сочинении мы привыкли читать об усилении эксплуатации, о классовом гнете, об обнищании народных масс... И ведь это правда, но почему же тогда мы не делаем и другого вывода, что культура народа в этих условиях нарастающего гнета должна была падать. Судить по безграмотности крестьянства XIX века о его неграмотности (еще большей!) в XI—XVI веках нельзя. Нельзя думать, что письменная культура населения непрерывно возрастала. Нет, она и падала. И именно крепостное право принесло с собой ту неграмотность, как «лапотность» народа XIX века, которая даже историкам показалась исконной и типичной для Древней Руси.

Одна фраза в Стоглаве о неграмотности новгородских попов служила и продолжает служить этому убеждению в неграмотности всего населения. Но ведь Стоглавый собор, призванный установить единый порядок церковных правил для всей Руси, имел в виду только новгородский обычай избирать уличанских попов всей улицей, в результате чего в попы попадали лица, не имевшие точного представления о церковной службе.

Одним словом: обильнейший материал превосходных рукописных и печатных книг, хранящихся или героически собираемых нашими энтузиастами-патриотами на Севере, на Урале, в Сибири и других местах, требует от нас признания высокой письменной культуры первых семи веков русской эпохи.

Грамотность народа помогает нам понять высокую культуру слова в русском фольклоре,

высокие эстетические достоинства народного зодчества, изделий народных ремесел, высокие моральные качества русского крестьянства там, где его не коснулось крепостное право, как, например, на Русском Севере.

Кто были деятелями Петровской эпохи? Да все люди, родившиеся в Московской Руси. Разве этого недостаточно, чтобы понять органичность у нас явления Петра?

Кто были нашими учителями? Одни голландцы? Нет. Петр учился во многих странах и у многих учителей. Из них первым был швейцарец. Разве этого недостаточно, чтобы понять самостоятельность Петра?

Наш алфавит называют кириллицей. Да, письменность наша восходит к делу Кирилла и Мефодия. Но алфавит, который в ходу у нас и у болгар, по составу букв и по их начертаниям создан и указан к употреблению Петром. И мы должны были бы его называть петровским. Но о Петре в этой связи никто и никогда не вспоминает.

НРАВСТВЕННЫЕ ВЕРШИНЫ

Вот о чем бы хотелось сказать: в «Заметках о русском» и в «Диалогах о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем» я уже обращал внимание на некоторые черты русского характера, на которые в последнее время как-то не принято обращать внимание, — на доброту, открытость, терпимость, отсутствие национального

чванства и пр. Читатель вправе спросить, а куда же девались в «Заметках» отрицательные черты русского человека? Разве русским свойственны одни только положительные черты, а другие народы их лишены? На последний вопрос читатель при желании найдет ответ в самих «Заметках»: я говорю в них не только о русском народе... А что касается первого вопроса, касающегося русских недостатков, то я вовсе не считаю русский народ их лишенным: напротив, их у него много, но... Можем ли мы характеризовать народ по его недостаткам? Ведь когда пишется история искусств, в нее включаются только высшие достижения, лучшие произведения. По произведениям посредственным или плохим нельзя построить историю живописи или литературы. Если мы хотим получить представление о каком-либо городе, мы ознакомимся прежде всего с его лучшими зданиями, площадями, памятниками, улицами, лучшими видами, городскими ландшафтами.

О каждом народе следует судить по тем нравственным вершинам и по тем идеалам, которыми он живет. Благожелательность к любому народу, самому малочисленному! Эта позиция самая верная, самая благородная. Вообще говоря, любая недоброжелательность всегда воздвигает стену непонимания. Благожелательность, напротив, открывает пути правильного понимания.

Самолет не падает на землю не потому, что он крыльями «опирается на воздух», а потому, что он подсасывается кверху, к небу... В народе самое важное — его идеалы.

УЧЕНИЕ — ЭТО ТРУД

Что, мне кажется, должна делать современная школа на рубеже XX и XXI веков? Прежде всего нужно помнить, что учение — это труд. И школа должна учить человека умению работать самостоятельно, работать дома, должна приучать к труду, в том числе и к труду научного работника. В конце концов, в XXI веке физическая работа в основном будет выполняться роботами.

Потом школьники могут быть кем угодно, бухгалтерами или рабочими и т. д., но это будет рабочий-ученый, так что нужно воспитывать ученого, потому что это профессия будущего.

И всегда следует помнить, что только в молодости закладывается интеллигентность. Поэтому людей нужно воспитывать не с восьмилетнего возраста, а с шестилетнего, с пятилетнего; я бы даже сказал, с пеленок закладывать в них основы интеллигентности.

И воспитывать нужно с очень большой интенсивностью, ведь подумайте, уже сейчас учение в среднем отнимает треть жизни человека. Эту треть жизни нужно сделать как можно более насыщенной. Следует активно прививать молодежи способность осмысленно выбирать профессию. К этому надо готовить очень рано, но самый выбор можно осуществлять лишь тогда, когда молодой человек достиг известного культурного уровня, то есть с восемнадцати-девятнадцати лет. Здесь он сам должен выбирать профессию, опираясь на широкий фон общих знаний, на культурную подготовку интеллигентного человека.

И тогда человек сможет внести что-то новое в выбранной сфере деятельности, потому что у него будет заложен основательный фундамент знаний из разных наук.

Конечно, среди гуманитарных наук, которые преподаются в школе, особая роль должна отводиться тем, что воспитывают нравственность. Ведь проблемы нравственности сейчас очень усложнились и актуализировались. И потому науки, несущие сильный моральный заряд, такие, как литература, история, должны преподаваться очень умело, по прекрасным учебникам, хорошо подготовленными педагогами.

Но нужно еще преподавать формальную логику. Многие люди не умеют выражать свои мысли, не умеют доказывать свои убеждения.

Сейчас у нас и научные споры иногда просто сводятся к взаимным обвинениям. К обвинению, наклеиванию ярлыков и т. д.

Логика — это наука не только как мыслить, но и как спорить, как доказывать и как себя вести, например, в профессиональной среде. Способность к логическому мышлению в наше время в массе очень упала, даже не все ученые умеют логически точно мыслить. Они иногда делают гениальные догадки, но потом не могут их развить, доказать, в конечном счете утвердить.

Логика нужна для любой профессии, даже если человек занимается физической работой. У знающего и умеющего применять основы логики устанавливаются лучшие отношения с товарищами, он не будет грубо спорить с ними по разным пустякам и даже бытовым вопро-

сам. Я считаю, что такие дисциплины, как логика, история литературы, история своей страны и чужих стран совершенно необходимы в школе. И уменьшать объем преподавания этих дисциплин, а тем более исключать их из программ ни в коем случае нельзя.

Мое твердое убеждение, что в школе следует преподавать не отдельные произведения, а историю литературы. Литературное произведение само по себе, исторически не объясненное, теряет на восемьдесят процентов свою действительность — моральную, эстетическую, какую угодно действительность. Ведь каждое произведение создавалось в определенных социальных условиях, при определенных исторических предпосылках, в конкретных биографических обстоятельствах в конце концов. Так и следует его рассматривать. А по существующим проектам школьных программ преподается не история литературы, а собственно литература, то есть берется отдельное произведение, и оно толкуется вне истории, вне биографии автора. Так можно дойти до абсурда. Ведь даже у Пушкина есть вещи, которые нельзя воспринимать абстрактно, вне исторической обстановки. Вспомним, например, знаменитое стихотворение «Клеветникам России». Попробуйте объяснить его вне контекста жизни Пушкина и времени, когда оно создавалось, и вы придете к самым неверным выводам. Поэтому крайне важно преподавание в школе именно истории литературы, а не разбор отдельных литературных произведений. История воспитывает. И история литературы воспитывает — она тоже часть истории.

И прежде всего при таком подходе будет ясно, что русской культуре тысяча лет и этим мы должны гордиться.

Древняя русская литература — это прежде всего семь веков в нашей культуре. Мы не вчера родились. Русский народ — один из самых древних в Европе. Имеет братьев — украинцев и белорусов. Прожил удивительную жизнь и создал целый мир искусств. Русской архитектуры хватило бы на десять наций — такая она разнообразная и в разные эпохи, и в разных областях совершенно непохожая, своеобразная. А древняя русская литература поразительно разнообразна по жанрам, по многочисленным идеям, стилям, по своей невероятной роли в общественной и государственной жизни страны, народа. Она заменяла собой государство, когда государство распалось и остатки, «островки» были завоеваны Батыем. Она укрепляла у народа сознание своего единства, напоминала о славной истории, продолжала культурные и политические традиции. Это чудо какое-то! И как же не приобщить молодежь к этому чуду, формирующему национальное самосознание и патриотизм?!

Но если исключить из программ преподавание древнерусской литературы, в том числе и «Слова о полку Игореве», или, оставив «Слову» так мало времени, что толком и прочитать его не успеть, то именно тогда у молодого человека создается впечатление, что Россия целиком зависела от Запада и лишь когда пришел Петр, наступили времена свободного общения с Европой, откуда пришла литература,

которая принесла нам роман, повесть, поэму и т. д. и т. п.

Так ведь большинство людей и думает на Западе, что у нас якобы не было никаких своих собственных традиций. Слов нет, Запад, конечно, очень сильно повлиял на развитие России в XVIII веке, но семена, посеянные в то время, упали на весьма подготовленную почву. И забывать об этом нельзя. И из чувства справедливости перед предками, и из чувства патриотизма.

ОШИБОК НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

Культура — цель, а не средство, не условие, не благоприятствующая среда. Научно-технический прогресс, борьба за мир, достижение высших скоростей, изобилие потребительских товаров — все это имеет целью развитие человеческой культуры.

Природа миллионы лет совершенствовалась сама себя и наконец создала человека. Человек создан с огромными, до конца не использованными творческими возможностями. Для чего все это? Для того, очевидно, чтобы человек не прекратил собой это развитие, не замкнул на себе то, к чему природа стремилась миллиарды лет, а продолжал это развитие. Конечно, продолжение — это не создание еще более совершенного организма, а использование тех возможностей, которые уже есть в человеке, для создания произведений высочайшей культуры. Эта единая цель всего человечества воплощается в тысячах различных произведе-

ний искусства, науки, философии. Человечество непрерывно настигает свою цель. «Мадонна Альба» или «Сикстинская мадонна» Рафаэля, симфония Бетховена, «Гамлет» Шекспира, лирика Пушкина — все это «достигнутые цели».

Иногда мы возвышаемся не только до создания высочайших произведений, но до самых возможностей достигнуть их. Это тоже крайне важно. Нынешний век представляется мне как век достигнутых возможностей, за которыми должны последовать и самые произведения культуры общечеловеческой значимости, если не завяжется война, если научно-технический прогресс пойдет достаточно быстро и разумно, если наши производственные возможности реализуются в полной мере, если человеческому творчеству не будут поставлены другие помехи.

Однако культура — такая цель, которая сама является и средством к достижению своих вершин. Если та или иная наука, та или иная отрасль техники будет замкнута на самой себе — произойдет замедление их развития, наступит творческое обеднение в науке и технике, истощение творческих возможностей, возникнут тупиковые ситуации.

Ученые опираются на общее культурное развитие, дающееся главным образом благодаря гуманитарным наукам. Приведу только один пример. Язык и мышление теснейшим образом связаны. Если язык обеднеет, обеднеет и мышление. Колоссальное значение имеет терминология, грамматические системы, способствующие самовыражению человека. Язык же

опирается в своем развитии на письменность, а в ней преимущественно на литературу. А литература имеет колоссальное значение для развития нравственности, нравственного климата в науке и технике. Мы живем в мире все усложняющихся нравственных проблем, которые ставит перед нами усложняющаяся наука и техника. Кто ответит нам на многие вопросы, возникающие перед нашим нравственным сознанием? Именно литература, если она будет достаточно ответственна и глубока! Наступает эпоха, когда ошибки перестают быть допустимы. Нет ничего вреднее сейчас в нашем мире невероятных возможностей, чем утверждение: «На ошибках учимся!» На чьих ошибках? На своих! Их не должно быть. От ошибок теперь может пострадать все человечество. Будем же учиться на ошибках прошлого, то есть хорошо знать историю, уметь анализировать пройденный путь и ни в коем случае об этом пути не забывать. Как грибники, которые не хотят заблудиться в лесу, мы должны постоянно оглядываться назад. Эта оглядка касается всех: архитекторов-градостроителей, писателей, мелиораторов, физиков, педагогов, реставраторов, художников, торговых работников — кого угодно. Нет такой специальности, которой не нужна была бы история — она основа культуры.

КУЛЬТУРА — ЦЕЛЬ, А НЕ СРЕДСТВО

В развитии современной культуры замечается излишний во многих случаях волевой ее характер, командные интонации в лирике,

чрезмерность ритмов в молодежной музыке (к тому же и излишняя ее громкость), гимнастичность современного балета, навязчивая нравоучительность прозы, гигантомания в скульптуре, брутализм архитектуры, чрезмерная роль режиссера в театре и т. д.

Хочется большей мягкости, человечности, иногда терпимости, размышлений, а не решений, разнообразия в педагогике, в градостроительстве, в искусствоведении, в науке вообще; разных научных школ, большего умения понимать чужие культуры, индивидуальность иного человека, его личность.

Личность должна больше цениться.

ЦЕЛИТЕЛИ ДУШИ

Как-то я возвращался из поездки до Астрахани и обратно. Теплоход современный, огромный, комфортабельный. На нем более трехсот пассажиров. Но не было ни одного, который оставался бы равнодушен при виде затопленных лесов и ободранных памятников архитектуры на берегах. Не успевало скрыться из виду одно, когда-то красивое, здание с провалившейся крышей, как появлялось в поле зрения другое. И так все двадцать два дня путешествия. Беда, лебедиными крыльями бьет беда! А еще больше огорчало, когда мы вообще не видели здания, еще недавно высящегося на берегу, но безжалостно снесенного под тем предлогом, что вид его из-за безнадзорности и запустения стал безобразен. Это же вопиющая безответственность и бесхозяйст-

венность. Неужели нельзя приспособить погибающие церкви, старые усадьбы к нуждам окружающего населения или оставить их как памятники, знаки минувшего, покрыв только добротными крышами, предотвратив дальнейшее разрушение?! Ведь почти все они удивительно красивы, поставлены на самых видных местах. Они плачут глазами своих пустых окон, глядя на проплывающие дворцы отдыха. И огорчало это решительно всех. Не было ни одного человека, которого зрелище «уходящей культуры» оставляло бы равнодушным.

Мы не храним старину не потому, что ее много, не потому, что среди нас мало ценителей красоты прошлого, мало патриотизма, любящих родную историю и родное искусство, а потому, что слишком спешим, слишком ждем немедленной «отдачи», не верим в медленные целители души. А ведь памятники старины воспитывают, как и ухоженные леса воспитывают заботливое отношение к окружающей природе.

Особенное воспитательное значение имеют мемориальные места — места боев, усадьбы писателей, художников, ученых, их квартиры, их любимые пейзажи (должны быть зоны охраняемых пейзажей, зоны охраняемых городских ландшафтов). Их совсем не так много, как иногда кажется. И те, что есть, окружены любовью местных энтузиастов, добровольных музейных работников — работников «на общественных началах». Но как часто они безнадзорны у тех, кто за них должен отвечать по долгу службы!

И еще одно: почему мы боимся мертвых? Почему так плохо храним родные могилы? Что мы, суеверны? Верим в привидения, в вурдалаков? Ведь кладбища в маленьких городах, селениях всегда были любимыми местами прогулок. Посмотреть на близкие могилы, прочесть чью-то фамилию, имя и отчество, даты жизни — почему все это стало нас страшить и пугать? Неужели мы думаем, что никогда не умрем? Во все века и во всех странах сознание собственной смертности воспитывало и приучало думать о том, какую память мы по себе оставим.

Но если мы не верим, что оставим по себе памяти, тогда и делать можно что угодно, живи мгновением, или, как говорят разные пошляки, «лови момент». А нам необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, даже если она «частная», небольшая, но все же добрая для окружающих...

Каждый может делать что-то доброе и оставить по себе добрую память.

Хранить память о других — это оставлять добрую память о себе.

«КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ»

Чтобы воспринять культурные ценности во всей их полноте, необходимо знать их происхождение, процесс их созидания и исторического изменения, заложенную в них «культурную память».

Чтобы воспринять художественное произведение точно и безошибочно, надо знать, кем, как и при каких обстоятельствах оно создавалось.

Так же точно и литературу в целом мы по-настоящему поймем, когда будем знать, как литература создавалась, формировалась, как участвовала в жизни народа.

«ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ГИБКОСТЬ»

Человеческое познание позволяет проникать в чужое сознание, не становясь этим чужим. Мы можем понимать то, что нам несвойственно, что отсутствует у нас самих или даже противоположно нам.

Это свойство человеческого познания казалось всегда особенно удивительным в произведениях искусства. Примитивное объяснение способности творца понять явления, которые он изображает, заключается в том, что изображаемое составляет частицу души самого творца, свойственно творцу и представляет собой результат самопознания. Так создаются легенды о том, что художник, проникновенно изображавший преступление, сам преступник, а объективное воспроизведение какой-либо идеи принимается за убежденность в этой идее.

Однако в потенции познающего лежит познание всего окружающего его мира, каким бы сложным и посторонним для познающего этот мир ни был. При этом чем глубже и шире развита личность познающего (творца-художника),

тем большими способностями проникновения в личности других людей он обладает.

Наше понимание других культур зависит от объема накапливаемых знаний об этих культурах. Культура движется вперед путем познавательных открытий и путем освоения этих открытий, их осмысления в современности и для современности. Но открытия эти и их освоение не требуют перевоплощений, как их не требует и творчество отдельного художника.

Познание чужой культуры или культуры прошлого имеет глубоким результатом не внешние заимствования (хотя отдельные частные заимствования могут оказаться полезными), а общий подъем уровня собственной культуры, развитие ее познавательных способностей, «познавательной гибкости», увеличение диапазона возможностей, диапазона творческого выбора.

ГОРИЗОНТЫ ПОЗНАНИЯ

Кино в моей жизни?

Я помню еще первые его шаги. Совсем маленьким мальчиком я стал заядлым любителем кинематографа, как его тогда называли. Жили мы в то время на Офицерской улице в Петербурге, как раз напротив кинотеатра «Мираж», и ходили туда на все «перемены» (так называлась смена программы). По субботам мы собирались всей семьей, одевались, как на праздник... Киносеанс состоял из нескольких короткометражных лент: «видовая» или «научная» кинохроника, потом «феерия», одна или две «драмы» и, наконец, «комическая» лента.

Хорошо помню содержание тех фильмов. Помню, как испугался, увидев идущий прямо на меня поезд. Интересно было наблюдать охоту в Африке. Лента «Гибель «Титаника» буквально потрясла — это был документальный фильм, кинооператоры отправились с пароходом в первый рейс и после трагедии с большим трудом вывезли отснятую пленку на спасательных шлюпках. Потом, встретившись с игровой картиной «Сто дней Наполеона», я долго был уверен, что она тоже документальная, что показывают подлинную жизнь, подлинные события.

В этих простеньких, немудреных фильмах просматривались зачатки будущего киноискусства, чего мы, конечно, не осознавали. Некоторые фильмы были цветными (раскрашенными от руки), звуковыми, потому что сопровождались не только аккомпанементом на фортепиано, но и выкриками, выстрелами (их производили ударами палки). При всей своей примитивности они будили воображение, как бы даже воспитывали его.

Так, посмотрев картину «Дети капитана Гранта», я совсем иначе, образно, стал воспринимать другие романы Жюль Верна, воображать их героев, будто смотрю фильм. Кино познакомило меня с писателем, помогло полюбить его. А ведь Жюль Верн — это целый мир, чего только нет в его произведениях! Он давал людям моего поколения не только литературное, но и общее образование. Поэтому считаю столь важным то, что знакомство с литературой для многих людей, особенно юных, начинается с кинематографа, но, к сожалению, иногда на этом и кончается. Бывает, что и зна-

комство с Пушкиным кое для кого начинается с оперы «Евгений Онегин» и на этом заканчивается. Мне искренне жаль этих людей, так и не изведавших прелести и мудрости пушкинского стиха. Вместе с тем уверен, что если после фильма, созданного по литературному произведению, зритель не заинтересуется книгой, чтобы с нею сравнить увиденное, то это первое свидетельство того, что зрелище на него не подействовало, не разбудило воображение.

Думаю, мы еще не до конца осознаем роль кинематографа в нашем воспитании, в процессе познания мира. Сегодня естественно, что любой мальчишка знает, какие деревья растут, скажем, в Индии и какие звери бродят по африканской саванне, явственно представляет себе американские небоскребы. И все благодаря кинематографу, экрану. Дети, которые воспитывались иначе, в лучшем случае на иллюстрациях из журнала «Природа и люди» или «Вокруг света», таких широких и емких познаний о наших соседях по планете, о жизни не имели и иметь не могли.

Во время моей юности успехом пользовались и так называемые «психологические фильмы» — с Верой Холодной, с Мозжухиным. Игра актеров там, собственно, выражала не чувства, а символы чувств. Если герой в отчаянии хватался за голову, значит, у него какие-то тяжелые переживания. Если он появлялся в обтрепанном пиджаке, согбенный, значит, он на грани жизненного краха. И все же несовершенство немого кино оборачивалось достоинством, оно что-то недосказывало про человека на

экране, зритель должен был многое довообразить сам.

Думаю, что искусство и не должно выходить за пределы необходимого, исчерпывать предмет изображения полностью. Слишком часто у нас в фильмах выговаривается решительно все, что можно, и даже чуточку больше. И делается немножечко скучно. Смотрел я «Вокзал для двоих» Э. Рязанова. О фильме спорят, добавлю в споры и свое суждение. Там есть прекрасные минуты. Но досидеть обе серии тяжело. Вот уже, кажется, и конец, ан нет, тебе еще что-то хотят договорить. Финальная сцена фильма хороша сама по себе, но она уже за пределами вокзала для двоих, это как бы другой сюжет, из другого фильма.

Как важно остановиться вовремя! Но не все режиссеры это умеют. А подобное происходит, по моему, от недоверия к зрителю: не поймет, мол. Кино много теряет, когда втолковывает очевидное, то, что зритель уже давно понял.

В воспитании вкуса важно прежде всего самовоспитание. Оно возможно только тогда, когда не отвергаешь с порога непонятное, непривычное, когда не закрываешь для себя возможность в непонятном разобраться... Когда я впервые увидел фильм Ф. Феллини «Восемь с половиной», то, признаюсь честно, ничего в нем не понял. Посмотрел еще раз — многое прояснилось.

Есть, конечно, вещи, понятные всем. «Король Лир» режиссера Г. Козинцева, убежден — это фильм для всех. При этом он остается для меня одним из лучших когда-либо виденных кинопроизведений.

А вообще-то, думаю, не стоит впадать в отчаяние от того, что бывают плохие фильмы. Ведь, в конце концов, и в литературе не каждый писатель гений. Существует и «средняя» литература, без нее не было бы ни Толстого, ни Тургенева, ни Достоевского. Вершин в степи не бывает. Чтобы вырос Эльбрус, нужно, чтобы вокруг него стоял разновысокий горный хребет.

Но вот если зритель не разбирается в том, что плохо, а что хорошо, тут есть причина для огорчений. Потому что тогда и у режиссеров нет стимула роста. Зритель и режиссер — они ведь скованы одной цепью. Хороший зритель создает хороших режиссеров. И наоборот. Хотя, может быть, первое существенней.

Человек должен быть хорошо эстетически воспитан. Не могу представить себе, чтобы кто-то хорошо разобрался в кино, не разбираясь в живописи, музыке, литературе. Особенно литературе, ведь из всех искусств она ближе всего к кинематографу.

Одно лишь киноискусство не может воспитать человека. Это должны делать с ним вместе и литература, и театр, и семья, и школа.

Причем школа прежде всего. Знаю это по собственному опыту. Мне посчастливилось в 20-е годы учиться у удивительного педагога — Леонида Владимировича Георга. Я об этом уже писал. Человек высочайшей культуры, он на уроках не только читал нам свои любимые произведения, но и пел для нас старинные былины и оперные арии, аккомпанируя себе на рояле. Увлеченные его любовью к литературе, мы, мальчишки, потом выискивали, где могли,

названные им книги и штудировали их. Леониду Владимировичу я обязан своим интересом к древнерусской литературе.

С ним можно было поговорить, поспорить и на темы, далекие от учебной программы. И конечно же, часто мы с ним делились своими впечатлениями о кино. В те годы на экране появился модный многосерийный фильм «Таинственная рука» — предок нынешних детективов. Посмотрев одну или две серии, Леонид Владимирович сумел довольно едко вышутить это наше увлечение, доказать, что подобные зрелища способны разбудить в душе человека не самые лучшие чувства и побуждения.

Мне всегда казалось, что в этих произведениях — и в кино, и в литературе — есть какая-то фальшь, нарочито созданный мир искусственных опасностей. Беда нынешних детективов даже не в том, что они чаще всего строятся по шаблону, что их сюжет не имеет никакого отношения к современным научным методам ведения следствия. Главное, думается, в том, что в них заключена только одна сторона в целом правильной идеи: человек, решившийся на преступление, должен знать, что его найдут, что возмездие неотвратимо. Это верно, конечно, но и недостаточно. Важно так вести воспитательную работу, так формировать души, чтобы у человека вообще не возникало попользования преступить черту закона: он должен быть добр и честен сам по себе, как бы изначально, а не только из страха перед тем, что преступление будет раскрыто.

Люблю я кинопутешествия, документальные фильмы, если они хорошо сделаны. Из игровых

картин меня привлекают те, где затронуты сложные нравственные проблемы, воплощенные в неоднозначных человеческих характерах. Заставляющие думать, вызывающие сочувствие, не дающие простых, однозначных ответов. Так, например, оставили след в памяти ленты Г. Панфилова «Начало» и «Прошу слова» с Инной Чуриковой в главных ролях.

Я вообще считаю, что уже само имя актера должно давать знать о качестве фильма, в котором он принимает участие. Увидел его на афише — и знаешь: тебя ждет встреча с чем-то интересным, ибо этот исполнитель не станет играть дурную, бессмысленную, бессодержательную роль. Это, конечно, налагает на артиста большую ответственность: он не должен ронять себя, браться за что придется. Для меня примером такой взыскательности, самоуважения стали М. Ульянов, И. Чурикова, некоторые другие актеры и актрисы.

Каждый актер хочет быть любим зрителями, но ведь это чувство зиждется на доверии...

Многие фильмы, ситуации, затронувшие сердце, не оставившие равнодушным, конечно же, «примериваешь» на себя — таково вообще свойство зрительского восприятия. Без такого сопереживания, соучастия людей искусство мертво. Случается, выйдя из зала, и неделю, и две ходишь под впечатлением увиденного. Бывают же картины, оставляющие зарубку в памяти на годы. Я с благодарностью вспоминаю давнюю американскую ленту «Двенадцать рассерженных мужчин» — историю человека, который в борьбе за судьбу осуждаемого сумел

один противостоять общему мнению, смог его переломить, восстановить справедливость. Подобная ситуация может ведь произойти в самых различных сферах жизни. Даже в таком, казалось бы, мирном и благородном деле, как охрана памятников культуры. Порой принимается решение о сносе или переделке какого-нибудь ветхого здания, мешающего новому строительству, и люди, еще недавно так рьяно отстаивавшие, утверждавшие его историческую ценность, опускают руки: «А что мы можем, это безнадежно, незачем больше копыя ломать»... Фильм еще раз доказал мне, что надо уметь до конца исполнять свой нравственный долг. И победить.

Что касается фильмов исторических, то, в целом, я считаю, дело это полезное, более того — необходимое. Отношение к прошлому формирует национальный облик народа. Ведь каждый человек — часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе память прошлого, он губит частицу своей личности.

Порой мы знаем историю очень отвлеченно, схематично — даты, формулировки. А ведь как интересны в ней разные на первый взгляд мелочи, говорящие о жизни наших предков, — их быт, характер, судьбы конкретных людей. Кинематограф — искусство конкретное — может во многом дополнить наше образование.

Но лично я многие исторические фильмы смотрю с досадой, а то и просто предпочитаю не смотреть. Уже по декорациям, по одной-двум сценкам, случается, видишь, что тебе предлагают развесистую клюкву. Потому что многие режиссеры предпочитают снимать не историю,

а свое представление о ней. И чаще всего шаблонное.

Конечно, большую помощь в этом деле могли бы оказать консультанты-специалисты. Но их положение на съемочной площадке, насколько я знаю, зачастую незавидно. Мне однажды довелось консультировать исторический фильм. Привезли меня в Новгород-Северский, показали декорации — роскошные, дорогие, но поражающие нищетой представлений о Древней Руси. Но изменить ничего уже было нельзя. Очень стыдно потом видеть свое имя в титрах...

Исторический фильм — это не только антураж, но и позиция автора, его личностная интерпретация прошлого, основанная на глубоких знаниях. Для меня идеалом такого проникновения в душу и суть истории является работа Г. Козинцева над произведениями Шекспира. Будучи в Англии, я не раз слышал, как наши советские «Гамлет» и «Король Лир» назывались лучшими, самыми точными, философски осмысленными версиями этих произведений. Такое признание много стоит.

Как и в детстве, когда я ходил в кино по субботам, так и теперь всегда предвкушаю встречу с новым фильмом, как праздник. И рад, если не обманулся в своих ожиданиях. Ведь хороший кинематограф всегда делает свою важную и нужную работу — воспитывает чувства, воображение, нравственность, расширяет горизонты познания мира и человека.

